

Организаторы фестиваля «Петербургские мосты». Открытая сцена на «Книжных аллеях», июль 2018

Я не считала, сколько раз была на «Петербургских мостах», но этот был точно не первый и не второй. И всегда бывает пестро и радостно, сумбурно и шумно, а в промежутках — задумчиво и нежно. Попробовать описать — как рассказывать о музыке. Но все-таки набросаю три главных впечатления этого (полуюбилейного, как шутит Галя Илюхина, ежегодно вместе с друзьями-коллегами заваривающая всю эту кашу) пятнадцатого фестиваля.

Первое впечатление — отель

В двух шагах от дворцовой площади. «Старая Вена». Вернее, так: «Старая Вѣна», через ять, как положено. Вид на Гороховую. Каждая комната называется именем писателя. Наш (на троих) №7 — «Аркадий Аверченко», автор известных афоризмов: гурманского — «Зернистая икра хороша именно тогда, когда ее едят столовой ложкой» и эмоционально-исторического: «Петр застал Русь бородатую и оставил ее взлохмаченною». Вот и сам он в виде портрета на стене. «Какой некрасивый!» — жалеет его моя соседка, поэтесса А. Жил ли он здесь? Пожалуй, нет. А бывать бывал — и чуть не каждый вечер, да еще и со всем «Сатириконом» заодно. Потому как в этих самых комнатах располагался в начале XX века знаменитый ресторан. Об этом гостям фестиваля рассказывает хозяин отеля

с библейским и поэтическим именем Иосиф. Мы сидим в круглой гостиной и пытаемся представить, как Федор Сологуб беседовал здесь с Андреем Белым, Игорь Северянин спорил с Александром Блоком, Осип Мандельштам поглядывал на Маяковского... Как-то так, хотя, может, и не совсем так. Потом настал советский век, заселилась многошумная коммуналка, но память о «Вене» не совсем угасла. «Удивительно, — говорит Иосиф, — но все жильцы этой квартиры знали, что живут в особенном месте. В 2005 году, расселив коммунальщиков, мы решили вернуть дух Серебряного века, декорировав в его духе номера и подружившись с фестивалем «Петербургские мосты». В нынешней «Вене» блюдут традиции — на фотографиях рядом с писателями прошлого узнаю друзей и современников. Малая Морская 13/8, спасибо тебе за гостеприимство!

Второе впечатление — кораблик

Переговариваются: «Завтра поплывем на кораблике». Наступает завтра, сияет солнце. От «нашей» Малой Морской до Фонтанки рукой подать... Идем. Солнце сначала сияет, потом печет, а потом жжет. Оказалось гораздо дальше, чем мы рассчитывали. Прибавляем шаг. Я уже еле передвигаю ноги... Да, вот он, прекрасный катерок, пришвартованный к берегу, и Галя Илюхина машет рукой, ура! И едва мы поднимаемся на борт, нам вручают веселые бело-зеленые и бело-красные фестивальные зонты. Как кстати! Вот это спасибо, жар стоит невозможный. Но вот наконец — поплыли! И сразу ветерок, ровное урчание мотора, покачивание берегов. «Посмотрите на...» Дом Голицына, дом княгини Урусовой, Шуваловский дворец, Летний сад — мимо и мимо. Цирк Чинизелли — что за звук!

Начинается чтение стихов, петербуржцы читают о реках, о Неве, и тут неожиданно выясняется, что с нами на «кораблике» плывет Александр Кушнер. Он читает одно стихотворение, второе — и все. Больше не хочет. Но наша чудесная экскурсовод Наталия Перевезенцева вспоминает и читает его, самое речное из всех речных:

...Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт...

Третье впечатление — Гандельсман

И снова Вѣнская гостиная. Вечер Владимира Гандельсмана. Это «закрытое прослушивание» — вольной публики, любителей поэзии здесь сегодня нет. Только поэты. И все мы слушаем Гандельсмана. Потому что он — особенный. Это математическая точность и ясность в сочетании с глубиной переживания. С искренностью, в которой нет даже тени надрыва, даже наоборот, все приглушено, сдержанно, и от этого трогает еще сильнее. И вместе с тем в каждом стихотворе-

нии — игра, в самом ее высоком и детском смысле, наслаждение звуком, удовольствие образа. Седой и растрепанный поэт читает из разных книг, в том числе из «Аркадии», где «смерть» упоминается только однажды в «бессмертии». Он умеет делать то, что мало кому под силу: говорить о счастье так, что это не скучно. Две заключительных строфы его «Жирафа»:

...как изваяние балетное,
Под синевой творись!
Идея шеи абсолютная
Простерлась ввысь.

Нога танцовщика, стоящего
На четырех руках
И тапочкой листву жующего, —
Ты есть жираф.

Мне вспоминается «Акробат» Пикассо — на меня эти стихи производят схожее впечатление: совершенной точности и абсолютной невозможности: «Как он это делает?!», что относится одновременно и к персонажу, и к автору.

После этого автору задают вопросы, которые касаются в основном его преподавательской деятельности (пожалуй, это объяснимо: как и что можно спрашивать о поэзии из зала?) Дав несколько ответов и подарив пару своих детских книжек, он просит отпустить его, ссылаясь на жару.

А я (прошел почти месяц) до сих пор не могу думать о крем-брюле, не подумав об испанском короле заодно. Такое послевкусие.

Послесловие

Как, и это все? Нет, конечно. Это малая часть. Но разве не стоило бы написать отдельное эссе об одной только удивительной квартире с псевдоантичными белыми статуями, пострадавшими уже в новейшее время, где жили наши друзья и соратники по фестивалю и где в день отъезда мы читали по кругу? И о Книжных аллеях, и о канадце Жан-Поле Дау (он ведь не только читал, но и пел нам *La Vie en Rose*), и об Асе Аксёновой, постоянной гостье и слушательнице всех фестивалей, которая именно в этот раз впервые прочла нам свои собственные стихи? Обо всем. Стоило бы! Но искусство врачевания длительно, а жизнь пациента коротка, как говаривал Гиппократ. В том смысле, что в каждом хорошем деле главное вовремя остановиться. Что я и делаю здесь, с благодарностью вспоминая «Мосты», надеясь на новые встречи и — временно! — ставя точку.

Ольга Сульчинская

Международный литературный фестиваль «Петербургские мосты» проводится при поддержке проекта Вячеслава Заренкова «Созидающий мир» и друзей фестиваля.

Редакция журнала благодарит Юлию Мирскую за предоставленные фотографии.